

Сергей МИРОНОВ

Родился в 1970 году в Калининграде. Окончил факультет журналистики Санкт-Петербургского государственного университета. Работал в газете «Вечерний Петербург» и калининградских газетах.

Автор романа «Домочадец», повестей и рассказов, цикла интервью с художниками петербургского андеграунда. Публиковался в журнале «Нижний Новгород», альманахе «Ойкумена», сборниках «Молодые голоса». Лауреат премий имени А. Куприна (2020), «Золотая роза» в номинации «Лучший рассказ» (2020).

Живет в Калининграде.

НА ПЕРЕГОНЕ ЖЕНЩИН НЕ МЕНЯЮТ

– Он у вас такой неусидчивый, невнимательный! На уроках крутится, как волчок. На переменах носится по коридору, недавно завуча чуть не сбил. Даю новую тему – Денис смотрит в окно, ухмыляется. – Роза Васильевна редко хвалила учеников в присутствии родителей. – Взбалмошный растет, задиристый, учится явно ниже способностей.

Дома Напарин получил взбучку от матери.

– Только попробуй еще раз опозорить меня перед классным руководителем, – кричала она и стегала по заднице сына школьным ремнем. – Отхлещу отцовской портупей.

Этот случай Напарин запомнил надолго, как и то, что Роза Васильевна наболтала о нем много лишнего. В дневнике Дениса почти не осталось места для записи домашнего задания, размашистые замечания и неуды по дисциплине затмили ученический почерк, и вот теперь ко всему прочему Розе Васильевне понадобилось вызвать в школу мать и обвинить его в порче школьного имущества. Тогда группа учащихся испоганила титаном стекла в мужском туалете. За этим занятием живописцев застукал физрук, но Дениса среди школьных вредителей, доставленных в кабинет завуча, не было.

Материнская выволочка подействовала на Напарина успокаивающе. Он уgomонился. Перестал бесцельно слоняться по коридорам, прекратил обстреливать из простецких рогаток классных звезд в укороченных платьях. Денис отвязал венгерку от ножек циркуля и попытался сосредоточиться на геометрии и алгебре – троек по этим предметам по итогам восьмилетки ему никто не гарантировал.

После длительных родительских нравоучений Напарин брался за ум и дисциплину. Потом снова срывался, влезал в скверные истории. Однажды набросал травы в двигатель трактора, вывозившего металлолом со школьной территории, а как-то, одолжив у соседа на пару дней летающую тарелку, вогнал в нее молотком десяток гвоздей. Он и сам не знал, зачем это сделал. Отец Трофимова, только что закончивший службу в Группе войск в Германии (тарелку он там и купил), пытал Дениса: зачем тот испортил хорошую вещь, которую не найдешь в Союзе? Напарин хотел сказать, что с дырками эта штука смотрится лучше и что плоскому блинчатому изделию не хватает вентиляционных отверстий, но, возможно, впервые в жизни сдержался и промолчал, не выцедив ни слова в свое оправдание. На сей раз вечером он получил портупей от отца.

* * *

Шел 1987 год. Перестройка, попытки партийного ускорения плановой экономики. Хилые ростки провозглашенной демократизации общества, натужная гласность. С Запада повеяло дружелюбием. В Калининград моряки привозили из рейсов пахучую жвачку, парфюм, джинсы, пластинки рок-идолов. Напарин быстро поддался массовой потребительской эйфории, выпросил у отца деньги на пару дисков Ассерт и Iron Maden, потом по примеру металлистов отпустил волнистые патлы, отчесал на лоб жидкую челку и за неимением утыканной заклепками косухи подпоясался отцовским офицерским ремнем, нашпигованным оцинкованными винтами.

Десятилетку он не окончил. Родители поняли, что сына проще коротко подстричь и отправить в системное учреждение осваивать рабочую профессию. За Денисом требовался постоянный контроль, а главное, он нуждался в прописанном до мелочей жизненном распорядке. Иначе, решил отец, героически прослушав на дрожащей «Легенде» Metall heart, ребенка можно потерять, такая музыка пробуждает разрушительные инстинкты, агрессию, а там и до приводов в милицию недалеко.

Виктор Иванович пообщался с Розой Васильевной. Сообщил, что сын уходит во взрослую жизнь после получения аттестата о среднем образовании. Классный руководитель ждала оттока неблагонадежных учеников из сплоченного, по ее мнению, коллектива и с радостью пожелала Напарину-младшему доброго пути, а про себя заметила, что вряд ли у парня жизнь пойдет по отцовскому сценарию: организованно и перспективно.

Виктор Иванович подсуетился, нашел приятеля-сослуживца на факультете промышленного рыболовства в средней мореходке и задобрил того незначительной денежной суммой. Этого хватило, чтобы протолкнуть сына в учебное заведение на непрестижную специальность. Быть мастером по ремонту и эксплуатации рыболовного оборудования Денис не стремился, но подчинился воле отца. К восьмому классу Напарин не мечтал ни о чем, кроме обладания новыми записями Judas Priest и Iron Maden. Он даже не особо поглядывал на взрослеющих девочек из класса, а их подчеркнутые округлости были для него всего лишь поводом для насмешек и издевательств.

К прозябанию в «системе» Напарин отнесся с усмешкой. Новую жизнь в замкнутом учреждении он посчитал родительским наказанием за бездарное окончание восьмилетки. Приходя домой в увольнение,

Денис общался с родителями сухо, иногда вызывающе. За маминими обедами он смягчался, рассказывал о непривычной жизни по распорядку. (И в мореходке Напарин учился посредственно.)

На втором курсе он попал на практику на «Крузенштерн». Впервые Напарин оказался в безбрежной водной стихии, на борту знаменитого парусника. Ничем связанным с освоением учебной специальности в десятимесячном плавании он не занимался. С однокурсниками Напарин отколупывал краску с металлических поверхностей барка, шурил деревянные фрагменты такелажа, драил палубу. Все эти нудные, простые работы он выполнял с легким пофигизмом. Судя по растрескавшейся краске на железяках, практиканты, некогда прошедшие школу «Крузенштерна», не особо усердствовали в освоении малярного ремесла. Но все менялось, когда начинался подъем на мачты с последующим выходом на реи и укладкой парусов. Высота – пятьдесят метров над палубой, адски воющий ветер, скрипучий наклоненный фок. Несмотря на страховочные ремни, Напарина одолевали приступы звериного страха, стоило лишь бросить взгляд вниз, на далекую, почти мифическую палубу. Ну и какая во всем этом романтика? А сколько бодрых книг написано о морских путешествиях, думал Напарин, вешая на нагель бухту с тросом, сколько хвалебных статей напечатано о рыбаках и рекордных уловах! Пожрите баланду из сального камбуза, переживите учебные подъемы на мачты, журналоги продажные, причитал Напарин, мечтая скорее сойти на берег!

В конце плавания он сдал экзамен на матроса. Никчемное вознаграждение за десятимесячные мучения, слабая компенсация за грубые мозоли на почерневших руках и сбитые в кровь колени.

* * *

В 1991-м рухнул СССР. Напарин окончил мореходку. На берегу мастеру по ремонту рыболовного оборудования работу можно было найти только в умирающем порту, в плавучем доке. Заработки в море все еще будоражили умы выпускников морских училищ. Пару месяцев Напарин помаялся без дела, потом вновь обратил взоры в морскую даль. К тому времени Денис уже хорошо знал, что море привлекательно только с берега и особенно – в закатные часы. Еще интереснее оно смотрится в буйстве сочных красок на картинах известных маринистов.

Близилась тревожные времена. Может, впервые Виктор Иванович пожалел, что не отправил сына в высшее учебное заведение. Отец ошибочно считал: после развала Союза в СНГ будут востребованы специалисты с университетскими дипломами. Денис был прозорливее вышедшего на пенсию родителя и быстро смекнул, что с пустыми карманами на берегу делать нечего, а значит, придется снова сходить в море, только теперь это будет поход за деньгами; не зря он терпел и корчился от боли, когда загонял под ногти острые куски зашкуренной краски с рангоута «Крузенштерна». То сумасшедшее плавание пошло ему на пользу, он возмужал, болтаясь на реях в обнимку с убранными парусами.

В Северную Атлантику БРТ «Цефей» ушел на промысел трески. В том рейсе Напарин познакомился с Бурениным. Егор был старше Дениса на пять лет, окончил среднюю мореходку в Мурманске. Тралмастер вышел из него толковый. Буренин снимал двухкомнатную квартиру, в прошлом рейсе заработал на дизельный «Пассат», в этом – рассчитывал собрать деньги на свадьбу. Успехи тралмастера Напарина впечатлили.

В Рейкьявике по совету Буренина Напарин купил двухкассетный Sharp с приемником для компакт-дисков и джинсы Super Rifle со вшитыми молниями на задних карманах. В Роттердаме друзья пропустили в пивной по две поллитровые кружки Grolsch. На предложение прилипчивых дам зайти в заведение с развратной вывеской Напарин ответил отказом, но, влекомый активным Бурениным, все же посетил квартал красных фонарей. На корабле Напарин просмотрел несколько серий «Эммануэль» в посредственном качестве. Видеокассет со знойной эротикой у Буренина было достаточно. Раскрепощенность и чувственность Сильвии Кристель восхитили Напарина, но то, что он увидел в районе «Де Валлен», выходило за рамки его представлений о здравом рассудке, а главное, здесь все было в реальности: полуголые женщины в витринах первых этажей, возбуждающие картины предстоящего разврата и толпы озабоченных зевак, ломающих голову, перейти запретную линию или нет? Буренин с легкостью вступил на порог публичного дома, у него была такая традиция: отмечаться в подобных заведениях во время стоянок в крупных портовых городах.

– Не ссы, здесь дают хорошие резинки, – пытался подбодрить он растерявшегося Напарина, – не то что наши – рвутся в неподходящий момент.

С этими словами Буренин исчез в подъезде, искусно освещенном неоновыми трубками. Напарин же с двумя помощниками тралмастера остался на улице, тщетно пытаясь выйти из неприятного оцепенения. Слова осмелевшего Буренина его не убедили. Напарин считал, что подцепить СПИД можно и пользуясь презервативом. К тому же недавно от этой гадости умер Фредди Меркьюри, которого Денис уважал. Последний диск Queen, записанный при участии уже больного, дурно выглядящего Фредди, Напарин приобрел в Рейкьявике.

На рискованный шаг он не отважился. Лишь подивился, с какой легкостью Буренин изменил будущей жене. Тогда в Денисе еще жили идеалистические представления о чести и семье, привитые родителями, прожившими вместе двадцать пять лет.

После рейса Напарин сдал на права и у электромеханика «Цефeya» купил «Форд Гранада» в кузове универсал. «Сарай на колесах» ему обошелся в две тысячи долларов: двухлитровый бензиновый движок, литые алюминиевые диски, магнитола Philips. Скоростная мечта в зеленом переливчатом перламутре! На этом «Форде», пропитанном при торным голландским освежителем, Напарин увез с дискотеки Ирину. По средам он ходил во Дворец культуры рыбаков на танцы, искал симпатичную пассию – и наконец-то нашел.

Ирина училась на ихтиолога в институте рыбной промышленности и хозяйства. Для нее Денис был перспективным ухажером хотя бы потому, что ходил в море. Деньги у него имелись всегда, в рестораны он водил подругу постоянно, щеголял в новых джинсах и модных узорчатых свитерах, снял однокомнатную квартиру, а его «Форд», рассекающий вечерние улицы, казался космическим кораблем, приземлившимся в балтийском городе, чтобы затмить авангардным обликом скучные постройки советских времен.

Пословица, блуждавшая в Калининграде в 80-х «Пусть будет муж твой слегка крокодил, главное, чтобы в море ходил» не в полной мере относилась к Напарину. Из подростка-раздолбая он превратился в привлекательного молодого человека, покончил с тяжелым роком, увлекся синти-попом. Коротко подстригся, регулярно укладывал волосы

феном, купил у знакомого фарцовщика косуху из натуральной кожи, внешне старался походить на Дэвида Гэна из *Depeche mode*. Единственное, что осталось в Напарине неизменным, – это резкость и непредсказуемость в принятии решений. Бороться с его вспыльчивостью было бессмысленно. Родители, которые ухаживали за тяжелобольной матерью Виктора Ивановича, больше не приставали к сыну с дельными советами. Бывало, Напарин на полгода выпадал из их поля зрения и появлялся в отчем доме после возвращения из рейса с подарками и бутылкой коньяка из «Альбатроса»*. На Ирину он тратил боны** без сожаления. Копил деньги на свадьбу, но предложение девушке пока не сделал. В ближайшей перспективе Напарин хотел сменить «Форд» на БМВ. Вот что его действительно волновало. Для осуществления этой цели Напарину предстояло еще раз сходить в море.

И он вновь отправился в Северо-Восточную Атлантику. Тогда страну уже разрывали на части гайдаровские реформы. Запивший после развода Буренин советовал другу покончить с морем и найти занятие на берегу. Профсоюз работников порта судился с начальством – зарплату портовикам платили с огромной задержкой, хозяева расплодившихся судоходных компаний выводили капиталы за границу, обманутые рыбаки порой тщетно разыскивали работодателей. Перспектива остаться без денег после шестимесячной болтанки у берегов Гренландии и Исландии Напарина не остановила, он редко менял устойчивые планы.

В рейсе Денис не раз представлял себя за рулем серебристой БМВ пятой серии рядом с изумленной Ириной. Вот они гонят на море, он паркуется на стоянке у пляжа, на него с завистью смотрят приезжие курортники и девицы в сопровождении рыхлых, пузатых ухажеров. Им еще далеко до такого уровня благополучия, а он смог подняться на запланированную ступень комфорта! Смотрите и завидуйте! Ради таких ощущений, почти сценических кадров из фильма о супергерое, стоило вновь потерпеть, как тогда в первом походе на «Крузенштерне».

И он вытерпел этот рейс: циклонические вихри, неважный улов, ржавый пароход под панамским флагом с разобренным, наскоро собранным экипажем, вдобавок безрадостные новости из России – расстрел парламента разбушевавшимся Ельциным и абсолютно неясное будущее после возвращения на берег.

Летом они сыграли свадьбу. Денис заказал зал в «Атлантике», куда не раз водил вечерами Ирину. Треть обещанных денег за рейс он получил спустя шесть месяцев после обращения в суд. Обозленные на работодателей члены экипажа наняли грамотного юриста, которому чудом удалось выиграть дело.

БМВ Напарин не купил, на серебристого баварца не хватило денег. Год Напарин болтался без работы, потом после смерти бабушки переехал в ее квартиру вместе с Ириной. Они сделали ремонт, но долго в двухкомнатной хрущевке на первом этаже не задержались. Ленинский проспект обрастал магазинами, квартиры и подвалы выкупались новыми русскими с невероятной быстротой. К Напариним пару раз заходили подозрительные личности в сопровождении юристов и риелторов, предлагали продать жилье по цене ниже рыночной, обещали помочь перевести квартиру в нежилой фонд. Денис быстро повелся на зама-

* «Альбатрос» – спецмагазин в Калининграде для моряков заграничавания. Торговал дефицитными импортными товарами.

** Боны – чеки Внешторгбанка СССР, которыми платили зарплату морякам торгового флота.

нуху предпринимателей. Он почти готов был расстаться с завещанным жильем. От авантюрного шага его отговорил отец. Виктор Иванович посоветовал сдать квартиру в аренду. Подкинул денег на бюрократические формальности. Цены на аренду недвижимости в центре города росли каждый год. На Ленинском проспекте открывались ювелирные магазины и бутики, дорогие кафе.

Вскоре в жилище Напариных разместился магазин женского белья и аксессуаров. Лена, снявшая квартиру по объявлению в газете, приехала в Калининград из Казахстана. Тогда из Средней Азии на Балтику хлынули предприниматели с большими деньгами. Бизнес ее мало чем отличался от поездок челночниц в Польшу и Турцию за ширпотребом, но подача товара была привлекательна. После ремонта квартира превратилась в небольшой музейный зал с антикварной мебелью и дорогими манекенами. Улыбчивые продавщицы корректно общались с посетителями. Товар Лена возила из Италии.

Напарину вновь пришлось снять квартиру, на этот раз в центре. К переезду Ирина отнеслась сносно. Она была в положении, ей хотелось покоя, исчезнувших, простых житейских удобств. В квартире на Ленинском ей жилось хорошо, она знала: завтра никто не выставит их на улицу, и все, что от них потребуется в ближайшее время, – заказать кухню и купить холодильник. Теперь она думала только о предстоящих родах.

Сам же Напарин занялся бизнесом. На новое дело его подбил Буренин, который второй год гонял в Калининград иномарки из Германии. Работало это так. В рекламный еженедельник Буренин подавал объявление: «Пригоню автомобиль из Германии по вашему заказу, растаможу». При удачном стечении обстоятельств один рейс в Германию приносил от тысячи до полутора тысяч долларов. Существовали и риски. Мотаться с большими деньгами через границы было опасно. Часть марок Буренин декларировал в справке на вывоз валюты, часть провозил нелегально, спрятав деньги в потайные карманы под подкладками курток и пальто. Особенно нервозно давались поездки за дорогими машинами. Тут не только можно было лишиться денег на границе, но и нарваться на лихих парней в самой Германии, которые крутились вокруг автосалонов с поддержанной техникой, вычисляя покупателей с толстыми кошельками.

В первый свой «наземный» рейс Напарин отправился за дизельным «Пассатом» для сослуживца отца. Запрос клиента был прост: чистая, аккуратная машина с небольшим пробегом и одним владельцем до размещения в салоне. Буренин ехал за «Мерседесом» Е-класса, обязательно черным, с коробкой-автоматом, двухлитровым двигателем. В середине 90-х такие «мерины» считались пределом роскоши. За ними к перегонщикам выстраивались очереди. Обладание шикарным седаном не давало покоя взбудораженным автомобилистам, не пугало их и то, что эти модели часто угонялись и на дорогах всегда были под прицелом гаишников.

В Ганновер друзья отправились на рейсовом автобусе. До центра города они добрались без приключений, потом сели в такси и доехали до малопривлекательной промзоны. Огромная автостоянка, обнесенная проволочным забором, поразила Напарина скоплением всевозможной техники. Вот где бурлила настоящая деловая жизнь! Хозяином стоянки был некий Ойген – переселенец из Казахстана, по утверждению Буренина, русский немец.

Перед выездом за машиной Буренин связывался с Ойгеном по телефону, затем по факсу отправлял заявку на искомый автомобиль. В ответ от продавца он получал факсимиле с фотографией машины и ценой. Далее Буренин утрясал финансовые вопросы с заказчиком.

Годовую шенгенскую визу Напарину выдали в немецком консульстве в Гданьске. В Польше готовый к новым свершениям Напарин прошелся по магазинам. Купил кожаную куртку и по хорошей цене две пары темно-синих Levis. В Денисе вдруг пробудилась жажда к былым приключениям. Тем более теперь он будет работать на себя. Выгода здесь очевидна. Это доказал Буренин, заработавший за полгода на БМВ пятой серии.

Напарин радовался, что вырвался из дома на свободу, и не куда-нибудь, а в Европу! В съемной квартире обитала беременная, занудливая жена, которой мерещилось, что ее муж весь состоит из недостатков и противоречий. Нервировать ее вечерами не было смысла. Напарин постепенно отчаливал от семьи, уходил в новое плавание по лоснящимся немецким автобанам.

Первая сделка прошла успешно. Напарину подобрали ухоженный «Пассат». Денис сам был не прочь обзавестись такой машиной, если бы не навязчивая серебристая мечта, недавно воплощенная в реальность Бурениным.

Оба автомобиля друзья перегнали без приключений, растаможили и по договорам купли-продажи, в которых фигурировала символическая сумма, передали владельцам.

Вскоре у Напарина родилась дочь. Это известие он встретил с радостью, но еще радостнее ему было отправиться в тур за первым «Мерседесом». До этой поездки Буренин «обкатал» приятеля на «Фольксвагенах» и «Ауди», проверил на выносливость к длительным ночным переездам. Напарин закалился в морских походах. Без посторонней помощи он осознал, что настало его время. Вот прямо сейчас можно было взять от жизни все, и даже больше того, что тебе предложат обстоятельства. «Америку сотворили предприимчивые индивидуальности, – повторял Напарин слова Буренина. – Но прежде всего они сделали сами себя».

Беспросветная реальность начала 90-х, выбросившая на обочину жизни тысячи способных людей, Напарина не смущала. У него началась другая жизнь в стороне от давящих потрясений. В этой жизни яркими огням сияли пейзажи ухоженной Германии, но встречались ему на пути и границы, прикормленные таможенники, знакомые лояльные декларанты. Он ночевал в польских транзитных отелях с неплохой на ночь зубровкой, участвовал в импровизированных ралли с Бурениным по автобанам. Напарина подстегивал азарт, направленный на достижение цели, а цель стояла конкретная: заработать деньги, хорошие деньги, которые можно потратить, но большую часть вложить в развитие бизнеса. Денис подумывал открыть станцию замены масел, собирался купить оборудование для шиномонтажного сервиса. Получал он деньги и от сданной в аренду бабушкиной квартиры. Лена приносила наличные вовремя. Иногда Напарин сам приезжал в магазин за деньгами. Дела у «Будуара» шли отлично, продажи росли. Но однажды в «Будуар» наведались братки, и будущее салона показалось Лене не столь радужным и стабильным. Двое верзил сообщили, что берут под охрану Ленинский проспект и, исходя из площади помещения и востребованности товара, озвучили ежемесячную сумму взноса на безопасность – триста дол-

ларов. В момент «наезда» Напарин гнал домой свой первый сияющий «Мерседес» и был неприятно удивлен, когда услышал от Лены неожиданную новость. Сначала Денис встретился с отцом.

– Не вздумай платить, – категорично заявил Виктор Иванович. – Пойдешь на их условия, потом от подлецов не отвяжешься.

– А не заплачу – побьют витрины или подожгут крыльцо.

– Ну и что? Найдешь других арендаторов, – пытался вразумить Дениса отец. – Место в центре города не пропадет.

– Они под крышу берут весь Ленинский, – причитал Напарин. Его геройский пыл куда-то пропал. Денис выглядел растерянным. – Арендаторы предлагают вычитать триста долларов из ежемесячных платежей, если влезу под крышу. Деньги требуют с них.

Виктор Иванович был непреклонен:

– С нечистой связываться нельзя. Сегодня требуют триста, завтра попросят шестьсот.

Через неделю после того, как Напарин передал «Мерседес» заказчику, в «Будуар» снова пришли те же мордовороты. На этот раз они были решительнее, затребовали встречи с хозяином помещения. Повели они себя как истинные джентльмены противоречивой эпохи: еще раз выслушали испуганную продавщицу и пришли к выводу, что платить за спокойную жизнь должен собственник торговой площади. Напарину назначили встречу. Вскоре Денису предстояло ехать за «Ауди» А6. Отправляться в поездку, чуя, что на твои тылы, приносящие весомый ежемесячный доход, вот-вот совершат налет, Напарину не хотелось, и он вновь пришел к отцу.

Виктор Иванович своей позиции не изменил. Более того, он всерьез озадачился решением внезапно возникшей проблемы. Сослуживцы вывели его на некоего Аркадьича, майора-отставника, некогда служившего в управлении по борьбе с организованной преступностью. По словам приятеля Виктора Ивановича, Аркадьич знал всю местную шваль, поделившую город на сферы влияния.

– Вот тебе номер, – отец протянул Денису бумажку с телефоном бывшего опера, – позвони, договорись о встрече. Андрей Аркадьевич – человек в определенных кругах влиятельный, уважаемый. Опиши ситуацию, не забудь отблагодарить.

Вечером Напарин поехал к Аркадьичу. Выезд за машиной был намечен на субботу, откладывать рейс Денис не планировал. Он заранее понадеялся на опера. «Мужик должен помочь, – в надежде шептал Напарин, запихивая в бумажник три стодолларовые купюры, – по рекомендации еду, по звонку от нужных людей».

Аркадьич внимательно выслушал эмоциональную речь Дениса. Ни разу не перебил, не попросил уточнить детали. На маститого правоохранителя он похож не был, скорее, сам напоминал авторитета, отправленного на заслуженный отдых: лысый, толстый, с крупной золотой цепочкой на красной шее, в майке с надписью Adidas, спортивных полинялых штанах, пляжных тапочках.

– Это парни Жоры-медика, – заключил Аркадьич, заметив, что гость его изрядно напуган. – Отпочковались от папы, на баб зарабатывают. Ленинский и весь центр Жора держит. Наезд этот вздор, лепет несмышленных младенцев. – Аркадьич встал с дивана и с умным видом прошелся по комнате. – Едь спокойно по своим делам. Сюда, – он указал на журнальный столик, – положи столько, сколько они просили.

Напарин тут же достал бумажник.

В Ганновер он отправился с некоторым облегчением, но все же в смятенных чувствах. Перед дорогой его в очередной раз пропесочила жена.

– Дома ты почти не бываешь, в воспитании дочери не участвуешь, – зудела Ирина. – Машенька растет без отца. Пойми, поднимают ребенка оба родителя. – Она всхлинула. – Устроил себе веселую жизнь! Гонщик за призрачным счастьем! Вот твое сопливое счастье! – Ирина взяла на руки испуганного ребенка. – Неизвестно еще, где ты там шляешься по ночам? В общем, дело идет к разводу. Запомни это.

О последствиях развода Денис предпочел не задумываться. Он все еще верил, что домашние конфликты рассеются сами собой, что родившая женщина всегда чувствительна к семейным неурядицам и потому стоит подождать, когда Ирина успокоится, остепенится. Но если все действительно так серьезно, удерживать ее он не будет. Не особо-то он ее любил, и любил ли вообще? Ну, может, в первый год их романтических встреч, когда к нему прижималась милая девушка, таинственная, теплая, как нагретая грелка. Куда же делся ее застенчивый, кроткий взгляд, куда пропала очаровательная улыбка? Нет больше этих плавных, изящных черт, невесело размышлял Напарин, ангельский лик скрылся под недоброй маской стервозной мамыши.

«Ауди» была хороша. Бирюзовый металлик, кондиционер, коробка-автомат. Мелкие сколы и царапины на лобовом стекле немного смутили Напарина, но он не сомневался, что машина устроит заказчика. «Пробег – восемьдесят девять тысяч, почти девочка, – бормотал Напарин, слушая, как под капотом мерно и тихо шепчет двигатель комфортабельного седана. – Уйдет влёт!»

Буренин гнал дальним родственникам дизельный «Пассат». Перед отъездом на стоянке Ойгена постоянным клиентам заменили масло и антифриз, вымыли машины, прибрались в салонах. Ойген любил делать приятные подарки хорошим знакомым. К нему приезжали перегонщики из Беларуси и Литвы, наведывались поляки, вокруг битых автомобилей крутились подозрительные албанцы. Буренина Ойген не раз приглашал в рестораны индийской и китайской кухни. Напарин после нескольких визитов в амстердамские забегаловки тоже полюбил острое. Суп из акульих плавников он заказывал в китайских ресторанах всегда, когда приезжал в Германию. В компании Буренина и Ойгена Напарин освоился довольно быстро. Он понял главное: Ойген не подсунет дрянной иномарки, не впихнет искусно отреставрированного «утопленника», а еще хуже – машину, числящуюся в розыске.

«Еще поездка, – думал Напарин, летя за сотню по автобану за приземистым “Пассатом” Буренина, – и можно будет заказывать серебристо-го баварца, теперь уже для себя».

Денис спешил домой. Он хотел скорее встретиться с Аркадьичем и получить гарантии безопасности: больше никаких мордovorотов в бывшей бабушкиной квартире, никаких истеричных звонков продавщиц из «Будуара», напуганных визитом хозяев Ленинского проспекта. Напарин долго шёл к своей мечте, работал как проклятый, ночевал в

дешевых отелях, беспорядочно питался, всегда немного жульничал, хитрил в своем отчаянном ремесле, как и все перегонщики: приплачивал на границе таможенникам, декларантам, инспекторам ГАИ, доглядывающим транспорт с транзитными номерами. Скручивал пробег на спидометрах проблемных иномарок, стягивал чехлы с сидений. Бывало, отдавал машину заказчику на штампованных дисках, а снятые легкие – выставлял на продажу, как и чехлы.

Удивительный факт. Ему проще оказалось создать семью, завести ребенка, чем купить престижную жемчужину на колесах. Семья – это вынужденная необходимость, жизненный капкан, тропа к которому бугриста и заманчива, а благополучие – несбыточная мечта многих, особенно тех, кто семьей обзавелся легко и непринужденно и теперь пребывает в нищете и невежестве. Так размышлял Напарин на пути к немецко-польской границе и подумывал, как дальше жить с Ириной. Это подурневшее после родов существо (витиеватые растяжки на ягодицах, поникшая грудь, килограммов шесть избыточного веса) позволяло себе повышать на него голос, громить дело его жизни, закатывать скандалы по мелочам и жаловаться на нехватку денег.

В Шведте друзья зашли в турецкое кафе. Взяли карривурст с картофелем фри. Мехмет – маленький, округлый хозяин быстро с густыми, кустистыми усами – всегда радушно встречал гостей из России. Как-то он вернул Напарину зонт, который тот забыл на вешалке в одну из прошлых поездок. Напарин, хоть и вычеркнул женщин из утвержденного на ближайшее время жизненного плана, все же посматривал на Амину – дочь Мехмета, суетившуюся на кухне. Стройная, худая, с большими карими глазами и накладными ресницами, она на время затмила сварливую Ирину: идеальная модель для портретиста, затерянная в провинциальном немецком городке. Чистый, обворожительный образ безупречной девушки. О такой, посещая злачные места портовых городов, Напарин и не мечтал. Но, видно, мечта трансформируется в нечто иное – малоприятное, – когда ее достигаешь.

До немецко-польской границы оставалось не более часа езды. Буренин выехал на автобан и, как обычно, втопил за сотню. Напарин держался за «Пассатом». Дорога была свободна. Не считая нескольких фур, которые друзья оставили позади, на пути к погранпереходу, Напарин насчитал десяток машин с транзитными номерами. Шанс быстро проскочить границу был вполне реальным. В пяти километрах от пропускного пункта Буренин заехал на парковку. Он проверил документы на машину и пошел в ближайшие кусты по естественным делам. Напарин последовал за другом. Редкий лесок за беседкой утопал в застарелом мусоре: пивные бутылки, окурки, бурые кучки, прикрытые салфетками и туалетной бумагой. Унылый пейзаж, присущий приграничной территории.

Из-за беседки Напарин увидел, как на парковке у его «Ауди» тормознула черная БМВ седьмой серии. Из машины вышли два бритых наголо амбала, покрутились у «Пассата», потом осмотрели «Ауди».

Напарин не закрыл машину. Документы на транспортное средство лежали в бардачке. Паспорт и бумажник были при нем, во внутреннем кармане куртки. Холодок пробежал по телу Дениса.

– Что случилось? – слышался поблизости голос Буренина. – Гости подъехали?

– Да, два жлоба. Я не закрыл машину, – покаянно выдавил Денис.

Буренин усмехнулся:

– Просил же быть внимательным. – Он укоризненно взглянул на испуганного напарника. – Деньги, документы, драгоценности всегда бери с собой, машины – на сигналку.

Тем временем круглолицый тип залез в «Ауди», открыл бардачок и вывалил на пол ворох бумаг и пластиковые папки.

– Ладно, пошли, – сказал Буренин и первым направился к парковке. – Внимательно слушай мои команды.

На БМВ стояли немецкие номера.

– Вы ошиблись автомобилем, – буркнул Буренин и остановился в трех шагах от приоткрытой двери, за которой в бумагах копошился краснолицый уродец. Его подельник, менее выдающихся форм, но тоже крепкий, с грушевидным, выпирающим из-под короткой футболки животом, подошел к Буренину.

– Понимаю неопытных водителей, прощаю тех, кто поехал за тачкой для себя или жене игрушку купить, – с вызовом, на чистом русском, заявил он, по-хозяйски сложив на груди руки, – но вы-то парни бывалые, на себя пашете, вам надо быть скромнее. Вот ты, – верзила уставился на Буренина, – сколько тачек продал?

Буренин не ответил.

– Хорошо, зайдем с другой стороны. Сколько вы навернули на эти два тарантаса?

– По два косаря на каждый, – подал голос из салона второй тип, завладевший папкой с документами. – Не меньше.

– Нам пора ехать, дорога длинная, на границе очередь, поляки к тому же любят русских шерстить, – неубедительно проронил Буренин.

– Ладно, оставим вас в плюсе. Готовьте две тонны зеленых, и вы свободны, – выдвинул ультиматум мордоворот из машины. – Это взнос на развитие нашей организации.

Возникла закономерная пауза. В такой отвратительной ситуации Напарин оказался впервые. Даже на реях «Крузенштерна», насквозь продуваемый несносным, ледяным ветром, Денис чувствовал себя увереннее. Там наверху, над бездной Атлантики, он был опоясан страховочными ремнями и знал, что выживет, если сорвется с мачты. Тут же, на приграничной стоянке можно было уповать только на чью-то помощь, но желающих свернуть на парковку не наблюдалось.

Наконец Буренин решил действовать.

– За руль! – крикнул он Напарину и, резко открыв дверь, выхватил из рук налетчика папку. Он звезданул дверью второго здоровяка, но получил сильный удар в скулу и, охнув, присел на корточки. На Напарина, успевшего завести двигатель машины, набросился тип, засевший в салоне.

От второго удара – ногой в грудь – Буренин увернулся и из джинсовой куртки вытащил пистолет. Он вскочил и дважды нажал на спуск. Раздались глухие, четкие выстрелы. Нападавший вскрикнул и упал на асфальт. Буренин кинулся к машине и всадил еще две пули в спину вострепнувшегося душителя Напарина. Потом схватил его за шиворот и выволок из салона. Тело грохнулось на землю. Нападавший, как и его подельник, корчился и стонал от боли.

– Скорее, валим отсюда! – скомандовал Буренин, кинул папку в салон «Ауди» и бросился к своей машине. – Гони за мной!

Напарин вжарил за «Пассатом». Обалдевший от такого поворота событий, он летел по автобану в животном экстазе, покашливал и чесал указательным пальцем разгоряченную шею. Кадык, придавленный

толстыми, потными пальцами вымогателя, был на своем месте, но неприятно ныл и пульсировал.

– Вроде он их не убил, – шептал Напарин и поглядывал в зеркало. В двухстах метрах за ним ехала фура. – Крови не было. Похоже, из травмата стрелял. Откуда у него пушка?

Опасаясь, что у погранперехода их накроют представители преступной организации, Буренин свернул на проселочную дорогу.

Границу они пересекли в другом месте.

Теперь Напарин знал, что за приграничной парковкой, в лесу, Буренин оборудовал тайник. Что там хранилось еще, Денис не спросил.

* * *

Дома Напарина ждали грустные новости. Ирина с ребенком уехала в область к матери. В пустой квартире было чисто, прибранно – редкое явление последнего года их нервной жизни. Никаких записок, никаких изливающих душу объяснений очередному глупому поступку супруги Напарин не обнаружил. Этого демарша он не ожидал. Ему куда привычнее было схлестнуться с женой по нелепому пустяку, чем сидеть в кресле перед выключенным телевизором, пить пиво и смотреть на пустую детскую кроватку.

«Ничего, перебесится и вернется, – утешал себя Напарин. – А может, придется за ней съездить». Последняя фраза фальшивой ноткой прозвучала в его сознании. Он так и не определился, нужна ли ему Ирина вот такая, какая есть: неистовая мать и сверхтребовательная жена. При этом Напарин не задавался вопросом: а нужен ли ей он, всегда спешащий по делам, неделями не бывающий дома, забывший, что женщинам дарят цветы и, бывает, дорогие подарки. Напарин и в семейные отношения внедрил деловой этикет. Бизнес требовал неминуемых жертв, временных и физических затрат. Напарин жег себя в рабочих перебранках, разборках с клиентами и чиновниками, постепенно уничтожал себя, как топливо в баке на пути из Германии в Россию. Но понять этого он не мог. Слишком свежи и объемны, на удивление живучи были его впечатления от поездок за дорогими машинами, а Ойген казался ему воплощением идеального бизнесмена, зрочки которого наливались завидным азартом при виде текущей в сейф американской валюты.

Утром Напарин поехал к Аркадьичу. Тот только встал, выглядел заспанным и по обыкновению неопрятным: майка с надорванным вырезом на животе, складчатые, заляпанные жиром спортивные штаны, растоптанные сланцы.

– По какому вопросу пожаловал? – тихо спросил Аркадьич и налил в замызганный чайник воды из пластиковой бутылки.

Напарин насторожился.

– Насчет наезда на магазин. Обещали уладить проблему, – озвучил он цель визита. – Вчера звонил, вы сказали подъехать.

Аркадьич вытащил из холодильника палку вареной колбасы неприятного пепельно-розового цвета и длинный сморщенный огурец.

– А, ты про медиков, – буркнул он инфантильно в усы, – забудь про них. Пусть девки спокойно работают. Позвони через месяц.

Похоже, Аркадьич действительно решил этот вопрос. Нежданные гости «Будуар» больше не посещали, не считая налогового инспектора из отдела кассовых аппаратов и потерявшегося на Ленинском скулящего спаниеля.

Чтобы передать «Ауди» заказчику, Напарину пришлось повозиться с передней дверью. Вмятину ему выкатили неплохо, краску подобрали идеально. Машину Напарин продал, хоть и нервничал накануне сделки – недочеты в работе рихтовщика все же присутствовали.

Наконец он собрал нужную сумму на автомобиль мечты. Денис позвонил Ойгену и заказал БМВ седьмой серии. Запросил дорогую комплектацию. Попросил найти машину с минимальным пробегом, естественно, из рук одного владельца.

Ирине он звонил дважды. Она была непреклонна. Возвращаться в Калининград не собиралась. Съемная квартира ей опротивела, Напарин раздражал уехавшую супругу все больше и больше. И главное, он ничего не предлагал, чтобы воссоединить семью. Был таким же бездушным и поверхностным, зато все глубже проникал в тонкости автобизнеса.

Перед выездом за БМВ Напарин позвонил Аркадьичу.

– В этом месяце гостей не было, – сообщил он радостно бывшему оперу.

– Я же сказал, работайте спокойно. – В голосе Аркадьича неожиданно проклюнулся деловой тон. – Готовь двести зеленых. Беру тебя под охрану. Когда платить будешь: в начале месяца или в конце?

Напарин обалдел, но все же нашел в себе силы ответить сдержанно. Недавний случай с пальбой у немецко-польской границы кое-чему его научил: быть хитрее и расчетливее. И не бояться мерзавцев, усложняющих тебе жизнь.

– Я подумаю, перезвоню, – сказал Напарин.

– Думай быстрее. Время пошло, – бодро предупредил Аркадьич.

Напарин вновь обратился за помощью к отцу.

– Вот кому тут верить? – в недоумении развел руками Виктор Иванович. – Ты его отблагодарил за помощь?

Денис вышел на балкон. Закурил.

– Конечно. Дал столько, сколько он попросил.

Напарин почувствовал, что затерзал отца житейскими проблемами. Родители тяжело переживали его разлад с Ириной. Просили уладить конфликт, подумать о судьбе брошенного ребенка. И все еще надеялись, что сын поступит на заочное отделение в технический вуз.

– Значит, он поставил тебя на счетчик, – заключил Виктор Иванович. – Благодетель хренов. В общем, так. Никаких денег ему не давай. Общение с ним прекрати.

Через три дня, разуверившись в сознательности клиента, Аркадьич сам позвонил Напарину. Следуя инструкциям отца, тот не ответил оперативнику. Проигнорировал он еще несколько вызовов Аркадьича. Назревал визит благодетеля в «Будуар». Это Напарина сильно тревожило. Он опасался, что счетчик Аркадьич переключит на хозяйку салона. Если это случится, Лена точно расторгнет договор аренды.

Отец снова помог сыну. По своим каналам он раздобыл телефон высокопоставленного сотрудника городского УВД. В назначенный час Напарин сидел в кабинете у строгого, энергичного подполковника.

– Очень жаль, что наши ряды порочат такие двуликие личности, – сказал принципиальный офицер, как бы извиняясь перед Напариним. – Активно боремся с организованной преступностью, а тут свои же подрывают доверие граждан к правоохранительным органам. Сейчас вам принесут фотографии. Если среди наших сотрудников, уволенных в запас, найдете вашего душителя, пишите заявление. Положите его на мой стол.

Подполковник пожал руку Напарину и вышел из кабинета. Вскоре в дверях появилась девушка. Она принесла толстую папку, в которой хранились фотографии и выдержки из личных дел сотрудников местного УВД. Среди множества фотографий Аркадьич нашелся быстро. На черно-белом снимке он выглядел молодежавым и целеустремленным борцом с общественными язвами. Таким он, возможно, и был, пока страну не охватил хаос 90-х.

Напарин написал заявление. В тот же вечер Аркадьич, которого еще не настигло возмездие бывших товарищей, заявился в «Будуар». Держался он нагло, требовал номер Лены, интересовался Напариним.

Больше Денису он не звонил.

* * *

Ойген долго искал автомобиль Напарину. Желание постоянного клиента обзавестись машиной премиум-класса по демократичной цене расходилось с предложениями на вторичном рынке. Напарину предстояло прилично потратиться. Сначала, получив по факсу письмо от Ойгена, он задумался, решил поехать в Германию и прошвырнуться по другим авторынкам, но потом посоветовался с Бурениным и принял условия продавца.

Дорогое приобретение вознесло до небес деловой статус Напарина. Невольно он ощутил собственное величие, но нашел в себе силы спуститься на землю, постарался быть проще в общении с людьми и внимательнее к близким. Ирина к последним все еще относилась.

В преддефолтный 1997 год дела у Напарина шли особенно хорошо. Из Ростова в Калининград начал курсировать паром. Водители Ойгена несколько раз в месяц мотались в порт, загоняли на паром не только легковые машины, но и микроавтобусы. Вскоре в ход пошли эвакуаторы и малотоннажные грузовики. Буренин продал частным перевозчикам несколько пассажирских автобусов. Вслед за другом Напарин открыл шиномонтажную мастерскую. Обзавелся он и маленьким офисом. Из металлопласта соорудил в боксе перегородку, за ней оборудовал рабочее место. Купил оргтехнику, стол, удобные кресла. Повесил вывеску. Здесь в присутствии потенциальных клиентов он связывался с Ойгеном, подписывал договоры, принимал наличные.

Напарин полагал, что возросшая прибыльность его дела сохранит треснувший брак. Но это было не так. Ирина нуждалась в небедном мужчине, но в первую очередь она требовала супружеского внимания. Ей постоянно мерещились мифические измены Напарина, ей чудилось, что он пресытился ею как женщиной и потому скрывался от нее в рабочих поездках, предпочитал проводить время с друзьями вместо того, чтобы гулять с дочерью и уделять время жене. Наконец Ирина не выдержала и написала заявление, взбешенная еще и тем, что Напарин приобрел вторую шиномонтажную мастерскую вместо того, чтобы купить квартиру, свою, светлую и чистую, в которой им, может, и улыбнулось бы семейное счастье. Вот так он её любил!

Напарин не особо расстроился, выйдя от мирового судьи. Огорчился он позже, когда Ирина подала на алименты. Случилось это в 1998-м, в год массового обнищания населения, пустых полок в магазинах, нового разгула преступности. Поездки за машинами прекратились, паром приходил в Калининград полупустым. Шиномонтажные мастерские Напарина худо-бедно существовали, но шины известных производителей

он больше на реализацию не брал, ими никто не интересовался. «Будуар» тоже стойко выживал на теряющей популярность Ленинском проспекте. Часть арендных денег Напарин отдавал Ирине. Через год тяжело заболел Виктор Иванович. Напарину пришлось постепенно спускать валютные сбережения на лечение отца. Виктор Иванович умер в январе от рака, грустно поприветствовав на больничной койке начало нового тысячелетия. Потерю отца Денис переживал долго. После его ухода он особенно сильно осознал, что не стал для родителей образцовым сыном, не смог, а точнее не захотел, получить достойное образование, по сути, развалил молодую семью и последние годы донимал отца своими проблемами, которые тот безотказно решал, используя старые, наработанные каналы.

Теперь Напарин мог обратиться за помощью только к Буренину. И тот помогал. Не деньгами – советом. Мастерские Напарина не потеряли клиентов благодаря грамотным рекламным вложениям. Буренин убедил друга не продавать оборудование, просил переждать трудные времена, говорил, недалек тот час, когда они снова отправятся за машинами.

* * *

В 2001-м они поехали в Германию. В Ганновере их ждали два роскошных «Мерседеса». Новое поколение Е-класса стремительно набирало популярность. В области этих моделей было не так много, и спросом они пользовались повышенным. В послекризисные годы любители люксовых седанов не отказывали себе в планах обзавестись флагманом немецкого автопрома.

После первых удачно проданных лупоглазых* друзья начали завозить «Мерседесы» паромом. Так было удобнее и дешевле. Исчезали риски, связанные с перегонем дорогих машин: приграничная суэта, таможенный беспредел, все еще активные банды вымогателей. Декларации теперь оформляли прямо в порту, там же растаможивали транспорт. В фирме, занимавшейся декларированием грузов, Напарин познакомился с Ларисой. Он не собирался вновь приударить за девушкой – его еще будоражили воспоминания о расставании с Ириной, к тому же за последние два года Напарин привык обходиться без женщины. Личная свобода ему была дороже натянутых семейных отношений. О существовании тесных уз между мужчиной и женщиной, взаимной преданности Напарин имел довольно размытые представления. Пример Буренина, жившего третий год гражданским браком с давней подружкой, и вовсе разуверил Дениса в целесообразности создавать семью. Об этом же ему говорил сам Буренин. Он советовал другу не лезть в семейные авантюры, пока тот не встанет на ноги после краха семьи.

Жениться Денис не собирался. Однако обстоятельства складывались так, что Напарин постепенно сближался с Ларисой, а попользоваться и бросить девушку, которая стала ему не только подружкой, но и помощницей, он не мог. Вскоре Лариса приросла к Напарину окончательно. Выпроводить ее из съемной квартиры, где все еще витал противоречивый дух Ирины, он даже не пытался. Его вздорная теория рушилась

* *Лупоглазых (лупатых, глазастых)* – второе поколение автомобилей Е-класса марки «Мерседес-Бенц», 1995–2003 гг. Характеризовалось объемными выпуклыми фарами, отсюда народное название.

на глазах, он снова был во власти женщины, но продолжал находить этому разные удобные объяснения: Лариса нужна ему для работы, свой декларант, имеющий знакомства в портовой таможне, пришелся бы кстати любому перегонщику. И потом, его брак просуществовал четыре года, а эта связь – пока только увлечение, взаимная симпатия, не прошедшая испытание временем.

Напарин делал все, чтобы оттянуть совместный визит в загс. Его случай был поверхностно похож на историю счастливых, доверительных взаимоотношений Буренина и его пассии, но в отличие от спутницы жизни приятеля Лариса хотела замуж. Однажды до Напарина дошло, что в любви не бывает незавершенности. Это как в бизнесе: сделку нужно довести до конца, иначе вложения не окупятся.

– Ты обещал на мне жениться, – часто напоминала Лариса. В этих словах присутствовал пока легкий упрек.

Ее желание Напарин возвел в ранг запросов клиентов – им он всегда гарантировал подогнать отличный автомобиль. Если машина не устраивала клиента, зависала на парковке и Напарин искал другого покупателя, снизив цену до минимального интереса, значит, проблема была в нем – нерадивом поставщике, пожелавшем извлечь двойную выгоду из подпорченной иномарки. Сожительствуя с Ларисой, Денис понимал, что, с точки зрения подруги, он и есть тот самый импортер халтурных услуг, пустых надежд и обещаний, но в отличие от клиентов, забравших его предложения, Лариса его терпит. Похоже, это и есть любовь. После нескольких фатальных знакомств с темными личностями, о которых Лариса рассказала Напарину, ее вновь потянуло к мужчине. А что его притянуло к ней? В свои лучшие годы Ирина была поинтересней простоватой Ларисы. Этой не хватало женского изящества и обаяния, не было в ее рыхловатой стати бесспорных притягательных мест, а было всего понемногу, в меру обыденного и усредненного: круглое в мелких прыщиках лицо, грустный взгляд (или Напарину так казалось), широкие плечи и бедра, маленький бюст. Однозначная склонность к полноте. И зачем он за ней увязался? Не потому ли, что она понадобилась ему в самый ответственный момент, когда его бизнес очнулся после нескольких лет застоя? Быть деловым без тесных связей с женщиной не получится. Это Напарин признал, как и то, что избавиться от Ларисы он уже не сможет.

Свадьбу они не играли. Расписались, сходили в кафе. Через пару дней Напарин взял Ларису с собой в поездку за пассажирским «Вито».

В Ганновере их поздравил располневший, одутловатый Ойген. По случаю знаменательного события он сводил гостей в китайский ресторан, где щедро посорил деньгами в честь молодоженов. Лариса сияла от радости. Наконец она почувствовала себя желанной, рядом с ней был деловой муж, которого уважал состоятельный, надежный поставщик, и сами они оказались в лоне цивилизации, наслаждались ранней осенью, вкусным пивом и разлившимся в воздухе теплом.

* * *

В каждом деле есть высшая точка, апогей успеха, признания. Потом неизбежен спад. Знал ли Напарин, переживший смуту дефолтных времен, что его бизнес вновь захиреет? Но он не смотрел вдаль. Привыкший жить в постоянной возне с перегонами машин и их подготовке к продаже, Напарин проморгал тот момент, когда уставшие ремонтировать

четырёхколесный хлам автомобилисты пересели на новые иномарки из салонов. Буренин тоже не ожидал такого автобума. Друзья не думали, что горожане массово залезут в кредиты ради дорогих приобретений у автодилеров.

К моменту захлестнувшего город автопсихоза Напарин продал бабушкину квартиру («Будуар» закрылся, не выдержав конкуренции с большими торговыми центрами, построенными вблизи Ленинского проспекта), продал одну мастерскую и купил трехкомнатную квартиру. Денег хватило и на ремонт. Он продолжал мотаться за машинами кое-что загонял на паром, пытался перегонять спецтехнику, но вскоре ее стали приобретать в лизинг. В месяц Напарин продавал по две, по три машины, как в середине 90-х, в пору становления совместного с Бурениным бизнеса.

Жизнь дала ему шанс сосредоточиться на семье. Но Напарин не был семейным человеком. Им владели глобальные идеи, которые обитали вне дома. Спать Денис ложился с мыслями о новом деле. Но чем заняться, он не знал. Перспектива снова уйти в море его не радовала. Досаждали и замечания Ларисы по поводу его профессиональной ограниченности.

– Ты бы придумал что-нибудь другое, – настойчиво пилила его вечерами Лариса. – Люди берут кредиты, начинают перспективные проекты. – Она любила сгустить краски: – Посмотри, на кого ты похож? Худой, взвинченный, бомжеватый предприниматель. Что тебе ни посоветуешь, ты все отрицаешь. Уметь надо слушать умных людей. Тебя погубит самоуверенность. Время толкать людям немецкий навоз прошло.

Напарин действительно стал раздражительным. Его нервировали разные мелочи: царапины на лобовом стекле после установки новых китайских дворников, голодные собаки во дворе мастерской, пешеходы, норовящие проскочить перед машиной в неполюженном месте. К Ларисе он прислушался, но выводов никаких не сделал. До крутого бизнесмена он не дорос, был все тем же отчаянным перекупщиком-перегонщиком из 90-х, которому каждая неудачная сделка изрядно опустошала карманы, отнимала уверенность в своих силах, изнуряла. Выглядел Напарин не лучшим образом. Неопрятный, в замызганных джинсах и поношенной обуви, пропахший моторным маслом и выхлопными газами, он тем не менее ездил на глазастом «Мерседесе» и с завистью посматривал на обтекаемые модели «Даймлер-Бенца», выставленные напоказ в недавно открывшемся дилерском центре. Как же трудно было угнаться за этими стремительными соблазнами! Их выкидывали на рынок так часто, что владельцы недавно купленных автомобилей, не успев пресытиться недавними приобретениями, думали о том, как от них избавиться и пересесть на глянцевые ласточки, рекламируемые на городских билбордах. О том, чтобы сменить машину на более совершенную, Напарин не мечтал, залезать в кредиты он пока не хотел. Он пытался просто выжить, при этом обещал Ларисе поправить дела и вернуться к достойным заработкам. Первый брак все же кое-чему его научил: женщина терпит, ждет обещанного, пока несбыточные обещания мужа не покажутся ей обыкновенным враньем; вот тогда, в один из приступов умопомешательства, она хлопнет дверью. В принципе, ничего страшного, если не считать последующего раздела имущества, приобретенного в годы супружеской жизни. «Любовь заканчивается быстро, – рассуждал Напарин, – если чувства не подпитывать деньгами. Любовь надо растить, закапывать в ее основание

звенящие монеты, иначе теплые чувства разобьются о реалии быта». Иногда Напарин вспоминал Ирину и дочь, которую не видел больше года. Глупая вышла история: он лишился семьи, чтобы спустя два года после развода поставить под угрозу существование новой.

Напарин вконец утомился от навязчивых житейских схем: муторные будни в мастерской, ссоры с Ларисой, редкие поездки за машинами в Германию, нерегулярные выплаты алиментов. Он недавно начал переводить деньги Ирине, но как-то быстро выдохся, не прочувствовал, что теперь это его первостепенная гражданская обязанность; дважды Напарина вызывали к судебному приставу-исполнителю, но оба раза ему удалось накормить обещаниями молодую девушку, и его оставили в покое. Ненадолго он все-таки исправился, а потом снова бросил платить. Жил Напарин на постоянном надрыве, на хрипящих оборотах загнанного движка, как будто всунутого в его потрепанное существо.

* * *

Неожиданно ему подвернулся отличный заказ.

Буренин, наконец почуявший, что с перегонами подержанных иномарок пора завязывать, залез в долги и купил три пассажирских микроавтобуса, которые запустил на городские маршруты. При этом он продолжал владеть тремя шиномонтажными мастерскими, у Напарина осталась одна. Среди клиентов Буренина были состоятельные бизнесмены. Некоторых он знал давно, с середины 90-х. Один из них – Ахмед, владелец сети продуктовых магазинов (ему Буренин подогнал как-то «Гелендваген»), – искал дорогой подарок зятю, а именно «Хаммер». В этот раз жмотливый Ахмед готов был посорить деньгами ради мужа любимой дочери.

В отсутствие клиентов из России Ойген переключился на поставки техники в Среднюю Азию и на Ближний Восток. Он удивился неожиданному запросу Буренина, взял длительную паузу и подыскал требовательному покупателю хорошую машину по приятной цене. Другьям он предоставил отличную возможность заработать на этой сделке. Буренин накинул на дорогой товар приличную сумму – свою и заработок Напарина, которому предстояло перегнать «Хаммер». Учел он и то, что Ахмед будет торговаться, запросит существенную скидку; поначалу, услышав заявленную стоимость автомобиля, может исчезнуть на какое-то время.

Ахмед действительно исчез, но всего на два дня, а явившись к Буренину в мастерскую, выторговал чисто условную скидку – пятьсот евро. Машина ему понравилась, удивить зятя умопомрачительным презентом ему было необходимо.

В Ганновер Напарин поехал в приподнятом настроении. Наклюнулось доходное дело (таких денег за доставку машины ему никто пока не предлагал), наконец появилась возможность вырваться на свободу, отогнать зудящие мысли о будущем новой семьи. Напарин уже понимал, что, не изменившись радикально, Ларису он удержать не сможет. Но каждый раз, когда ему начинало фартить, Напарин надеялся на продолжение кратковременной сказки: еще немного стоит подождать, помучиться, и бизнес наладится. Все будет так, как тогда, в хлопотливых 90-х. Но время шло, а он топтался на месте, и все, что у него худо-бедно получалось, – это поддерживать собственную жизнеспособность, нерегулярно платить алименты, поверхностно ухаживать за большой матерью.

Иногда он баловал Ларису подарками и цветами и сам понимал, что делал это лишь для того, чтобы на время отвлечь ее внимание от их шаткого, безрадостного положения.

Возможно, ему нужно было послушать отца и получить высшее образование. Но и сейчас, глядя из окна рейсового автобуса на игрушечные, аккуратные поля Нижней Саксонии, Напарин сомневался, что ему следовало поступить в технический вуз. Во-первых, он бы наверняка завалил вступительные экзамены, а если бы чудом (или при помощи отца) его зачислили в институт, то он вряд ли бы дотянул до дипломной работы – слишком много соблазнов таили 90-е. В те годы жизнь пришла в хаотичное движение, многие рисковали и сколачивали состояния на полукриминальном бизнесе. Рискнул и Напарин, но больших денег не заработал. Однако почувствовал себя уверенным предпринимателем. Он пожил импульсивной жизнью, вкусил прелесть ночных гонок по автобанам, оценил коварное женское общество, скрепленное узами семьи. Теперь ему предстояло начать жить по-другому. Но как – Напарин не знал. Он был продуктом иной, противоречивой эпохи.

Ойген встретил Напарина дружелюбно, как старого доброго знакомого. Про машину заговорил позже, сначала расспросил Дениса о новых реалиях жизни в России. Более всего его интересовало, почему в Ганновер перестали приезжать перегонщики? Рынок подержанных автомобилей, убеждал Ойген Напарина, находится в Германии в устойчивом, привлекательном состоянии. Купить двух-трехлетнюю машину на его стоянке было намного выгоднее и дешевле, чем взять ту же модель в кредит из автосалона. А значит, в России должен быть спрос на хорошие автомобили с небольшим пробегом. Ойген не знал, что спрос отныне диктовал иной, видоизменившийся рынок, который подмяли под себя крупные дилеры.

Черный глянцевого «Хаммер» H2 давно ждал Напарина. На таком чуде он еще не ездил. Брутальный экспонат американского автопрома, по всем параметрам годный для кавказского лихача. Претенциозный и наглый, туповато-угловатый. Нечто более весомое, чем «Лексус» и «Мерседес», воплощение солдафонской крутизны для тех, кто по финансовым возможностям недотягивает до «Бентли» и «Роллс-Ройса».

– Может, эти машинки у вас пойдут? – вежливо поинтересовался Ойген, глядя, с каким любопытством Напарин рассматривает салон «Хаммера».

– Даже не знаю, – ответил тот неопределенно. Внутри машина Напарину понравилась. Салон – вагон, стойкий запах свежей кожи, ощущение невероятной мощи, передающееся от машины к водителю.

– У нас эти танки спросом не пользуются, – сказал Ойген. – Шестилитровый двигатель, безумный расход топлива в городском цикле. Но русских, кажется, этим не напугаешь. Им главное – престиж.

Напарин задумчиво обронил:

– Попробую поработать с этой моделью.

На следующий день он погнал машину к немецко-польской границе. Ощущения были невероятны. Триста лошадей с легкостью двигали четырехколесную крепость. Вызывающе ревел мотор. В этом яростном гневе звучала вся мощь оголтелого движка. Казалось, ресурс адской энергии под капотом был безграничен. На обгонах Напарин добавлял обороты и с легкостью обходил фуры, которые летели за сотню.

Пужинал он в Шведте, в арабском кафе, куда его впервые пригласил Буренин. Взял карригурст, картофель фри, овощной салат. Выпил

американо. Хозяйничала на кухне Амина – дочь Мехмета. Она была все так же хороша и привлекательна, как в тот визит в кафе, когда Напарин впервые увидел ее, помогавшую отцу обслуживать клиентов. Амина не узнала Дениса. Он ей понравился: простой улыбчивый гость, прикапавший на большой, грозной машине. Амина дала Напарину на дорогу большой американо в бумажном стакане и яблочное пирожное, пожелала хорошей дороги. Деньги брать отказалась.

Последнюю остановку перед границей Напарин сделал на той же парковке, где Буренин сбил нападавшего с ног выстрелом из пистолета. Стоянка была пуста. Напарин сходил в лес по мелким делам, допил кофе, еще раз внимательно просмотрел документы на машину. Тайника Буренина он не нашел. Польшу Напарин хотел проскочить ночью, чтобы утром попасть в Россию, заехать на автомойку и поставить машину в мастерской Буренина, там ее должен был осмотреть Ахмед. К границе шли в основном фуры. Пролетело несколько микроавтобусов. Легковые машины мелькали изредка. «Похоже на то, что задержки на переходе не будет, – подумал Напарин, – если только не докопаются таможенники».

Он сел в машину и поехал. Помня про пакости недоброжелателей в этих краях, Напарин периодически посматривал в зеркала заднего вида. За ним не было никого. Смеркалось. Солнце оранжевым шаром висело у горизонта, иногда пряталось в лесном массиве и мелькало мелкими яркими фрагментами в плотном частоколе высоких деревьев. Напарин разогнался до ста шестидесяти. Он вновь почувствовал себя уверенным и свободным, он снова был тем же взбалмошным гонщиком из 90-х, не знавшим усталости на ночных трассах. Погранпереходы Напарин считал легким препятствием в искрометной игре с людьми в униформе. В этом противостоянии он всегда выходил победителем. Справится с новым вызовом он и сейчас.

Напарин уверенно гнал к переходу. Садившееся солнце слегка слепило Дениса. На бронзовеющий шар хотелось смотреть и не отводить глаза от его раскаленной приплюснутой сферы. Вот так же с безумной высоты наклоненной рей он когда-то наблюдал, как солнце, по контуру обведенное огненными всплесками, медленно погружалось за ленточку спокойного, чистого моря. Засмотрелся на солнце он и сейчас и не заметил, как черная, крупная тень выскочила из леса и метнулась прямо к капоту машины. Напарин врезал по тормозам, но столкновения не избежал. Лобовое стекло смяла туша здорового зверя, подброшенного массивным передом «Хаммера» на крышу автомобиля. Сзади раздавался мощный удар – это фура, уходя от столкновения с затормозившим «Хаммером», приложилась к нему крылом. Напарина обволокло подушками безопасности, одну из них прорвали рога оленя. Потом машину било об отбойник, бросало на дорогу и вновь прижимало к отбойнику. Напарин держался за руль, но обуздать неуправляемую массу металла уже не мог и лишь в тихом отчаянии, без эмоций и всяких надежд, поглядывал на полукружие утопающего за полем солнца, окрашенного в пурпурный, местами приглушенно гранатовый цвет.